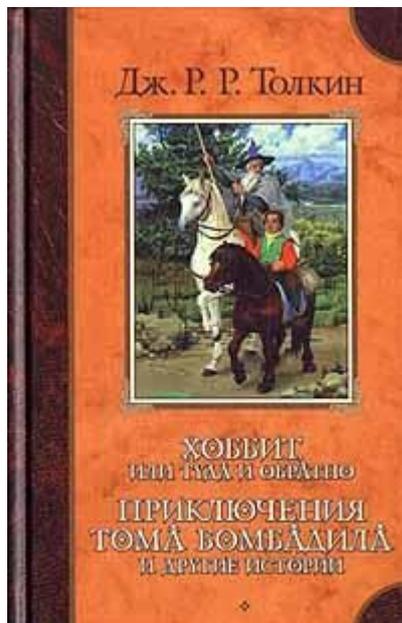

Джон Рональд Руэл Толкиен (Толкин)
Кузнец из Большого Вуттона

Серия: *Рассказы* –

Кузнец из Большого Вуттона

Была однажды на белом свете деревня: не так давно для тех, у кого память долгая, не так далеко для тех, у кого ноги длинные. Звалась она Большой Вуттон, но не потому что была большой, просто больше, чем Малый Вуттон, таившийся неподалеку в лесной чащобе. Но хоть и невелико было местечко, а все же жило в нем порядочно народу – плохого, хорошего, всякого, – как водится.

Вуттонцы по большей части были людьми зажиточными. Слыли они в округе искусными в разных ремеслах, особенно в поварском деле. Была в Вуттоне просторная Общинная Кухня, а хозяйничал на ней Кухмейстер – лицо важное и всеми уважаемое. Дом Кухмейстера и Кухня примыкали к Ратуше – самому старому и красивому зданию во всем Вуттоне. Крепкий камень пошел на ее стены и добрый дуб, и содержали Ратушу в образцовом порядке, хотя позолоты давно уже не обновляли. В Ратуше собирались вуттонцы посоветаться, посудачить и просто повеселиться по общим праздникам и семейным торжествам. Так что Кухмейстер без работы не скучал, поскольку где праздник, там и застолье. А праздников в году было немало, хотя так уж вышло, что на зиму выпадал всего лишь один. Зато как его ждали!

Праздничали целую неделю, а вечером последнего дня давали Пир Добрых Детей. Не просто было попасть на этот пир: званы на него бывали всего двадцать четыре ребенка. Конечно же, не все достойные дети на него попадали, а по недосмотру случались к столу и недостойные, но в таком деле без ошибок не обойдешься. А главная загвоздка заключалась в том, что справляли этот праздник один раз в двадцать четыре года, так что нужно было еще и вовремя родиться. По такому важному случаю полагалось Кухмейстеру проявить себя наилучшим образом и наготовить много всяких лакомств, и перво–наперво, как того требовал обычай, Большой Кекс. От того, насколько хорош (или плох) выходил Кекс, и зависело, какую о себе память оставлял Кухмейстер – ведь редкому Кухмейстеру доводилось дважды стряпать Большой Кекс.

Но вот как–то раз случилось небывалое – ко всеобщему изумлению Кухмейстер заявил, что ему нужно на время отлучиться. Сказал – и тут же уехал, а куда – неизвестно. Когда же через несколько месяцев он вернулся, все заметили, что стал он совсем другим человеком. Прежде был он хоть и добродушным малым, любившим чужое веселье, однако ни в пиру, ни в миру лишнего слова не ронял. А тут зачудил: потешал всех постоянно странными выходками, за столом распевал вместе со всеми легкомысленные песенки, что Кухмейстеру никак не к лицу. Но хуже всего было то, что вернулся он не один, а с Учеником.

Само по себе оно бы и ничего – в должное время каждый Кухмейстер брал себе Ученика и учил его с тем, чтобы со временем Ученик подменил Кухмейстера в работе. Когда Кухмейстер уходил на покой или умирал, Ученик занимал его место. Но именно нынешний Кухмейстер все тянул с выбором Ученика, все приговаривал, что, мол, время еще не пришло, а вот когда придет, тогда и видно будет. И вдруг возьми и приведи с собой Ученика, мальчишку, к тому же чужака, невесть откуда взявшегося. Мальчик был на вид смышленной вуттонских парней, вежливый, поворотистый, недерзливый – да только больно уж зелен. Было ему на вид от силы лет пятнадцать. Однако мастеру видней и советовать ему неприлично. Так что мальчишка остался жить у Кухмейстера, пока не подрос и не завел себе собственный дом. К чужаку вскоре привыкли, даже друзья у него завелись. Все они, как и Кухмейстер, звали его Эльфи, но для остальных он был Ученик, или попросту – Ник.

Следующее странное событие заставило себя ждать три года. Одним чудесным весенним утром Кухмейстер снял свой высокий белый колпак, аккуратно сложил чистые фартуки, повесил на крючок белый халат, взял ясеневый посох и дорожную сумку и отправился путешествовать. Видел это один только Ученик.

– Прощай, Эльфи, – сказал Кухмейстер Ученику. – Я оставляю тебя одного на хозяйстве. Управляйся, как умеешь, а умеешь ты неплохо. Думаю, все обойдется. Если мы снова свидимся, ты мне обо всем расскажешь. А людям скажи, что я снова в отлучке, но на сей раз – навсегда.

Что за шум поднялся в деревне, когда Ник передал вуттонцам слова Кухмейстера!

– Какова выходка! – возмущались они. – Уйти просто так, не предупредив, не попрощавшись! Что мы будем без него делать? Он себе даже замены не вырастил!

В конце концов за неимением лучшего назначили Кухмейстером одного вуттонца, который готовил достаточно сносно. В молодости ему даже случалось помогать Кухмейстеру, когда на Кухне бывала запарка, но Кухмейстер теплых чувств к нему не питал и в учение брать не хотел. Теперь этот человек был уже немолод, обзавелся домом и семьей. Все его считали основательным и рачительным хозяином.

– Такой не сбежит, – поговаривали вуттонцы, – а плохая стряпня все же лучше, чем никакая. До ближайшего Большого Кекса еще семь лет, а там, глядишь, чему-нибудь и научится.

Нокс (а именно так звали нового Кухмейстера) остался доволен таким оборотом дел. Ему всегда хотелось быть Кухмейстером, и он никогда не сомневался, что с этим делом справится. Иногда, оказавшись на Кухне в одиночестве, он надевал на голову высокий белый колпак, смотрелся в надраенную до зеркального блеска сковороду и говорил сам себе:

– Привет, Мастер! Как тебе идет этот колпак! Сидит как влитой. Я верю в твою удачу, Мастер!

Поначалу дела и впрямь шли недурно. Нокс старался изо всех сил, а Ник ему помогал. Разумеется, Нокс многому выучился у Ника, исподтишка за тем подглядывая, хотя он даже сам себе в этом бы не признался. Но время шло своим чередом, и близилась пора стряпать Большой Кекс. Про себя Нокс давно уже беспокоился по этому поводу. За семь лет он научился стряпать вполне приличные кексы и пирожные для рядовых праздников, но знал, что Большой Кекс вуттонцы ждут подолгу и поэтому в случае неудачи пощады от злых языков не жди. Ладно бы еще одни дети, но ведь маленькие кексы из того же теста и той же выпечки раздавались, по обычаю, всем взрослым, которые помогали стряпать и накрывать на стол. От Большого Кекса все ждали чего-то нового и необычного, так что нельзя было обойтись простым повторением прежних прописей.

Как казалось Ноксу, Большой Кекс должен быть первым делом сладким и красивым. Поэтому он решил, что покроет его со всех сторон сахарной глазурью (а надо сказать, что Нику глазурь удавалась на диво). «Это придаст ему чудесный волшебный вид», – думал Нокс про себя. Нокс мало разбирался во вкусах детей, но твердо знал, что дети любят сладкое и волшебное. Он считал, что уже вышел из возраста, когда ждут чудес, но к сладкому оставался и сам неравнодушен. «Ах, волшебство! – сказал он. – Какая удачная мысль!» И тут же ему пришло в голову водрузить маленькую куколку в белом платье на макушку Кекса, вложить куколке в ручку волшебную палочку со звездой из серебряной фольги, а по кругу пустить надпись розовой глазурью: «Королева фей».

Но когда он перешел от рассуждения к делу, то обнаружил, что имеет самое смутное представление о том, что же кладут в Большой Кекс. Тогда он перелистал записи прежних Кухмейстеров. Они его озадачили. Он мало что понял, даже там, где удалось разобрать почерк. О многих упомянутых там пряностях он не имел представления, о других запомнил, где их искать, а времени оставалось в обрез. Впрочем, почесав затылок, Нокс вспомнил, что кое-какие из этих пряностей могли завалиться в старом черном ларце с множеством ящичков, в котором прежний Кухмейстер держал специи для особых okazji. С тех пор как Нокс стал Кухмейстером, ларец ни разу на глаза ему не попадался, но, поискав получше, он нашел его на верхней полке в кладовой.

Он снял ларец с полки и сдул с крышки пыль; к великому его огорчению, тот оказался почти пуст, а немногие пряности, которые еще оставались, усохли и заплесневели. В одном из угловых отделений Нокс нашел маленькую звезду, размером не больше шестипенсовой монетки. Звезда была сделана из чего-то похожего на старое, почерневшее серебро.

– Какая забавная штучка, – сказал Нокс, поднося звезду поближе к свету.

– И совсем она не забавная! – сказал кто-то у него за спиной.

Нокс от неожиданности даже подпрыгнул. Это был Ник. Тон его озадачил Нокса – никогда прежде Ник не позволял себе говорить с ним таким образом. Нужно сказать, Ник вообще никогда не обращался к Ноксу первым. Ноксу это нравилось – молодой человек, пусть даже он варит исключительную глазурь, должен быть почтителен со старшими.

– Что ты этим хочешь сказать, парень? – недовольным голосом переспросил Нокс. – Почему это она не забавная?

– Потому что она волшебная, – сказал Ник. – Она из Волшебной Страны. Это развеселило Кухмейстера.

– Ладно, будь по-твоему, – сказал он, – хотя я не вижу тут особой разницы. Забавная, волшебная – как тебе угодно. Вырастешь – поумнеешь. А теперь отправляйся перебирать изюм. Если

тебе попадутся волшебные изюминки, не забудь мне сказать.

– Что вы собираетесь делать с этой звездой, Мастер? – спросил Ник.

– Как что? Положу ее в Кекс, – сказал Нокс. – Там ей будет самое место, раз она волшебная. Ты же сам без году неделя как перестал ходить на детские праздники, так помнишь, наверное, что для детей в сладости часто запекают монетки, маленькие безделушки и всякую всячину. У нас в деревне всегда так делают. Это доставляет детям много радости.

– Но это не безделушка, Мастер, это – Волшебная Звезда, – сказал Ник.

– Я это уже слышал, – перебил его Нокс. – Хорошо, я так и скажу детям, пускай повеселятся.

– Не думаю, Мастер, – сказал Ник, – но пусть будет по-вашему. Я согласен.

– Ты не забывай, с кем разговариваешь! – прикрикнул на него Нокс.

И вот Кекс замесили, испекли и покрыли глазурью, в основном стараниями Ника.

– Раз ты у нас такой охотник до волшебного, я поручаю тебе сделать Королеву фей, – сказал Нокс.

– Хорошо, Мастер, – согласился Ник. – Так уж и быть, если у вас мало времени. Но это ваша выдумка, а не моя.

– Выдумывать – это не твоего ума дело, – отрезал Нокс.

Кекс поставили посередине стола и окружили двадцатью четырьмя свечами из красного воска. Он был похож на заснеженную вершину горы, на склонах которой росли покрытые инеем деревья. На самой макушке стояла на одной ножке крошечная фигурка, похожая на танцующую снежинку, сжимая в руке маленькую волшебную палочку, которая искрилась и блестела в лучах света.

Дети смотрели на Кекс изумленными глазами. Кто-то из них захлопал в ладоши и закричал: «Смотрите, смотрите, какая прелесть! Какое волшебство!» Кухмейстер был в восторге, но Ученик помрачнел. Они оба пришли на Пир; Кухмейстер для того, чтобы разрезать Кекс, а Ученик для того, чтобы вовремя подать остро заточенный нож.

Наконец Кухмейстер принял поданный нож и сделал шаг к столу.

– Должен вам сказать, зайчики мои, – начал он, – что под этой очаровательной глазурью вы найдете восхитительный кекс, в который положено много всяких вкусов. Но кроме того, мы запекли в него множество блестящих монеток и прелестных безделушек. Говорят, тому, кто найдет что-нибудь в своей порции, улыбнется удача. Здесь двадцать четыре сюрпризика, и каждому достанется по одному, если, конечно, Королева фей никого не обделит. С нее станется – ведь она изрядная шутница. Спросите у мистера Ника. Он вам скажет.

Ник тем временем пристально вглядывался в лица детей.

– Ах да! Я чуть было не забыл, – сказал Кухмейстер. – На этот раз сюрпризиков двадцать пять. Тут еще есть маленькая серебряная звездочка. Она – волшебная или что-то вроде того, как утверждает мистер Ник. Так что будьте внимательны! Если вы обломаете об нее свои хорошенькие зубки, никакое волшебство вам не поможет. Но, как бы то ни было, будет занятно ее найти.

Кекс вышел на славу, и все сочли его безупречным. Правда, был он такой величины, что каждому досталось всего по одному, пусть и большому куску, хотя многие рассчитывали на добавку. То тут, то там дети находили у себя на блюде монетку или безделушку; кому-то досталась одна, кому-то две, а кому и ничего не досталось. Не всем везет одинаково, и от серебряной куколки на макушке Кекса тут ничего не зависит. Но вот весь Кекс был съеден, а никто так и не нашел Волшебной Звезды.

– Надо же! – сказал Кухмейстер. – Видать, она была вовсе и не серебряная. Может, она растаяла, а может, прав был мистер Ник – штучка-то была волшебной и вернулась в свою Волшебную Страну. Очень нехорошо с ее стороны.

Он с ухмылкой посмотрел на Ника. Темные глаза Ника были серьезны, и он не улыбнулся в ответ.

Разумеется, это была Волшебная Звезда – в таких делах Ученик разбирался хорошо. А случилось с ней вот что: один из мальчиков проглотил ее, не заметив. Это был тот самый мальчик, который нашел у себя на тарелке серебряную монетку и отдал своей соседке Нелл. Нелл не нашла ничего и уже совсем была готова заплакать от огорчения. Мальчику тоже было занятно, что же случилось со Звездой, – он даже не догадывался, что носит ее в себе. Она совсем его не беспокоит.

ла, эта Звезда, потому что для того она и была сделана, чтобы оставаться незамеченной, пока не наступит ее час.

Пир Добрых Детей справлялся в середине зимы. Прошло время, наступил июнь, и ночи стали светлыми. Однажды мальчик проснулся на заре. Ему не спалось, потому что в этот день ему должно было исполниться десять лет. Он выглянул из окна: весь мир замер в непонятном ожидании. Легкий ветерок, свежий и напоенный запахами, шелестел в листве пробуждающихся деревьев. Затем взошло солнце и запели птицы, сперва далеко и тихо, затем все ближе и громче, а потом песня птиц накрыла мальчика с головой и тут же улетела дальше на запад, следом за покотившимся по небу солнцем.

– Совсем как в Волшебной Стране, – сказал он вслух. – Только там и люди поют, как птицы!

И с этими словами он запел песню высоким и чистым голосом, странную песню со странными словами на незнакомом языке. В тот же миг Звезда выскочила у него из горла и упала на ладонь. В ярких лучах солнца она сверкала чистым серебром, трепетала и подрагивала, словно собираясь улететь прочь. Сам не ведая зачем, мальчик приложил ладонь ко лбу, и Звезда впечаталась в его лоб, чтобы остаться там на долгие годы.

Односельчане не заметили этого, потому что Звезда, став частью лица мальчика, утратила свой блеск, хотя, если взглянуть пристальней, ее можно было различить. Зато блеск ее проник в его глаза, а серебро зазвучало в голосе, и голос стал необыкновенно хорош. С каждым годом этот голос делался все прекраснее, и стоило мальчику просто поздороваться с человеком, как у того становилось радостно на душе.

Вскоре мальчик стал известен на всю округу своим мастерством. Отец его был кузнецом, и сын пошел по его стопам, превзойдя вскоре родителя. «Кузнецов сын» – звали его, пока был жив отец, а когда отец умер, стали звать просто Кузнецом. Не было к тому времени равного ему мастера от Восточных Земель и до самых Западных Лесов. Все что угодно мог он выковать в своей кузнице; конечно, по большей части приходилось делать вещицы незамысловатые, но полезные – кухонную утварь, лемехи, плотницкие топоры и тесла, засовы и щеколды, крюки и подковы, кочерги и ухваты. Сработаны они были прочно, на века, выходили ладными и удобными. Но иногда он брался за работу особую, себе в охоту, и делал тогда вещи живые, удивительные, сравнимые по изяществу с цветами и кружевом листвы, но при том прочные, как само железо, из которого были сделаны, – да что там! – прочнее самого железа. Никто не мог пройти мимо сделанной им решетки, не заглядевшись на нее, и никто не мог пройти сквозь сделанные им ворота, если те были закрыты. Когда Кузнецу работа была в радость, он пел, и тогда все соседи бросали свои дела и бежали к кузнице послушать песни.

Все его знали и полагали, что знают о нем всё. Многие были искусны в ремесле, как он, и трудились, как он, от зари до зари, да не всем была дана такая слава. Но самого главного не знал никто: Кузнецу открылась Волшебная Страна и стала ему знакома, насколько это возможно для нас, смертных. Слишком много было в Вуттоне таких, как Нокс, чтобы говорить о Волшебной Стране с кем попало. Но для жены и детей Кузнеца это не было тайной. Женился он на Нелл, той самой Нелл, которой когда-то подарил серебряную монетку, а детей у него было двое: дочь Нэн и сын Нед. От них скрыться было невозможно: они видели, как сияла его Звезда, когда он возвращался вечером из своих одиноких странствий, длившихся порой не один день.

Когда Кузнец отправлялся куда-нибудь, иногда пешком, иногда верхом, односельчане полагали, что он уезжает по делам. Порой это действительно так и было, ведь надо же было развозить заказы, запастись углем и чугунными чушками. Он никогда не запускал хозяйство и был из тех, кто знает, как нажать деньгу на честный грош. Но часто у него были совсем другие дела, о которых ведали только жители Волшебной Страны. Там его знали и ждали, там ярко сияла его Звезда, охраняя от бед, грозящих смертным на опасных путях. Малое Лихо само обходило его стороной, а от Великого Лиха был он кем-то храним.

И хранителям своим он был благодарен, потому что скоро постиг, что чудеса Волшебной Страны небезопасны и не всякое Лихо можно одолеть силой смертного человека. К тому же в Волшебной Стране ему больше нравилось быть любопытствующим странником, а не грозным воином. Конечно, в мире людей он мог выковать доспехи, которые вошли бы в предания и возбуждали бы зависть королей, но в Волшебной Стране от земных доспехов мало толку. И может быть,

именно поэтому ни разу не вышло из-под его молота ни копья, ни меча, ни даже оголовка стрелы.

Поначалу он безмятежно странствовал по луговинам и рощам Волшебной Страны, встречая только Малые Народцы и подобные им хрупкие создания, бродил по берегам мирных водоемов, в которых по ночам отражались неведомые созвездия, а на заре – пламенеющие вершины отдаленных горных хребтов. Иногда он посещал Волшебную Страну на несколько мгновений, только для того, чтобы полюбоваться отдельным цветком или деревом, но вскоре он стал отваживаться на дальние пути, и на этих путях он увидел такое, что сердце его переполнилось восторгом и ужасом столь сильными, что он не знал, как поведать об этом своим друзьям или сохранить в памяти, хотя сердце его ничего не забывало. Но и в памяти кое-что осталось из увиденных чудес и изведанных тайн.

Он путешествовал наудачу, не ведая дороги, в надежде скоро достичь границ Волшебной Страны – но высокие горы встали на его пути. Он попытался обойти их, и тогда тропа вывела его на пустынный берег. Перед ним расстилалось Море Безветренных Бурь; гигантские волны, подобные горам, с вершин которых рвалась пенная метель, катились из Замрачия и разбивались у его ног. На гребнях волн неслись белые корабли, возвращавшиеся со сражений на Черных Топях, неведомых людям. Он увидел, как один корабль был выброшен волной на берег. Роняя пену, волна откатилась беззвучно, а с корабля сошли на берег Эльфийские моряки. Они были грозны и высоки статью, нестерпимо сверкали их мечи и искрились наконечники копий, пронзительному свету были подобны их взоры. Внезапно они запели песню, прославляя свою победу, и сердце Кузнеца сковал ужас. Он рухнул на землю без чувств, а эльфы прошли мимо, далее не заметив его, и в горных теснинах долго еще гуляло эхо боевой песни.

Больше Кузнец никогда не посещал этот берег, обреченный на то, чтобы стать рано или поздно островом среди бушующего моря. Помыслы его обратились к горам, заслонявшим от него сердце Волшебной Страны. Однажды в пути его застиг густой туман, он потерялся в этом тумане и блуждал, пока туман не развеялся. И тогда Кузнец увидел кругом себя равнинные земли, над которыми царил Призрачный Курган, а на вершине этого кургана росло Дерево Короля. Дерево Короля касалось неба своей могучей кроной, и покрывали его листья, цветы и плоды бесчисленные, и ни один лист, ни один цветок, ни один плод не был сходен с другим. Ему больше ни разу не удалось отыскать это Дерево, как он ни старался. Однажды, карабкаясь по склонам Внешних Гор в поисках Дерева, Кузнец оказался в глубоком ущелье, на дне которого лежало озеро. Воды озера были недвижимы, даже легкая рябь не искажала их гладь, хотя дул свежий ветерок. Ущелье озарял багровый закатный свет, но это был не закат – это светилось само озеро. Кузнец взобрался на невысокую скалу, стоявшую на берегу, и посмотрел с нее вниз. Он увидел неизмеримую глубину, где языки нездешнего пламени сплетались и расплетались, словно морская трава, с которой играют подводные токи, и неведомые существа сновали взад и вперед. Изумившись, он подошел к кромке воды и попытался войти в нее, но не смог, ибо это была не вода. Это было нечто прочнее камня и глаже стекла. Кузнец ступил на озерную гладь, поскользнулся и упал, и звук его падения эхо разнесло по берегам. И в тот же миг ветерок обернулся ревущей Бурей, которая подхватила его, выбросила на берег и потащила вверх по отвесному склону ущелья. Кузнеца несло и крутило, как опавший лист; чудом он успел ухватиться за ствол березки, и тут Буря вцепилась в него, не желая отпустить добычу. Но березка согнулась до самой земли и спрятала путника в своих ветвях. А когда Буря унеслась прочь и он смог подняться с камней, то увидел, что Буря раздела березку донага. Березка рыдала, и чистые ее слезы дождем струились из сломанных ветвей. Он положил ладонь на ее белую кору и сказал:

– Будь благословенна, береза! Что я могу сделать для тебя, чем отблагодарить? И ладонь его ощутила слова:

– Ты не можешь ничего. Уходи! Буря вышла на охоту. Ты же нездешний. Уходи и никогда не возвращайся!

Когда Кузнец выбрался из ущелья, он заметил, что лицо его все еще мокро от слез березы, а губы помнят их горький вкус. С тяжелым сердцем он воротился домой и долго после этого не посещал Волшебную Страну. Но желание проникнуть в ее глубь разгорелось в нем только пуще, и через некоторое время он уже не мог с собой совладать.

И вот наконец Кузнецу удалось отыскать проход во Внешних Горах. Он продолжил свой

путь, но вскоре уткнулся во Внутренние Горы, которые были еще выше, еще круче и еще мрачнее, чем Внешние. Но и в них он отыскал проход, и после многих дней лишений, охваченный робостью, вышел из расщелины и бросил взор на Вечноутреннюю Долину (хотя имени ее он, конечно, не знал). Зелень той долины настолько свежее зелени Внешних Земель, насколько зелень Внешних Земель свежее цветения нашей весны, а воздух там так прозрачен, что, когда маленькие крапивники щебечут на одном конце долины, с другого конца можно увидеть трепетание розовых язычков в открытых птичьих клювиках.

Внутренние склоны были пологими, и струились по ним бесчисленные источники, и под плеск воды Кузнец с радостью в сердце зашпешил вниз. Лишь только он ступил на травы долины, раздалось эльфийское пение, и у реки, на лугу, покрытом белыми лилиями, появилось множество танцующих девушек. Проворство и изящество плясуний, неповторимое чередование движений очаровали Кузнеца, и он направился к хороводу. Пляска тут же кончилась, и из круга выступила навстречу Кузнецу одна из плясуний, длинноволосая, юная, облаченная в развевающуюся тунику.

– Не слишком ли дерзок ты стал, Звездоликий? – спросила она Кузнеца, смеясь. – Уже не страшен тебе гнев Королевы? Или она сама пригласила тебя?

Кузнец покрылся краской стыда, потому что девушка прочитала его сокровенные мысли. До сих пор он полагал, что Звезда делает его желанным повсюду, но только сейчас понял, что заблуждался. Но тут девушка улыбнулась и продолжила свою речь:

– Что же, если уж пришел, то придется тебе танцевать со мной.

С этими словами она взяла его за руку и ввела в круг танцующих.

Они танцевали недолго, но и этого ему хватило, чтобы ощутить себя необыкновенно сильным и гибким, как никогда счастливым – и все это благодаря ее присутствию. Но кончился танец, снова замер хоровод, и она наклонилась, чтобы сорвать белую лилию, своими руками вплела цветок в волосы Кузнеца и сказала:

– А теперь, прощай! Может, мы и свидимся снова, если на то будет королевская воля.

Кузнец сам не помнил, как добирался до мой в тот раз, потому что пришел в себя он только уже перед самым Вуттоном. Он ехал по знакомым дорогам через соседние села, и во многих люди смотрели на него в изумлении и провожали взглядом до самой околицы. Обрадованная дочь выбежала ему навстречу на крыльцо – отец вернулся раньше, чем обещал, и все же она успела его заждать.

– Где ты был, папа? – спросила она. – Почему так ярко сияет твоя Звезда?

Стоило ему переступить порог, как Звезда померкла вновь. Тогда Нелл взяла его за руку, подвела к очагу и сказала:

– Муж мой любимый, где ты странствовал и что видел? В твоих волосах цветок...

Она взяла цветок и положила его на раскрытую ладонь. Цветок был там, и в то же время казалось, что он где-то страшно далеко. Вечерело, в комнате стало темно, и в этой темноте цветок сиял так ярко, что тени заплясали на стенах. Тень мужа, что стоял рядом с ней, склонив к цветку голову, была огромной.

– Ты совсем как великан, папа! – сказал сын Кузнеца, который до этого не проронил ни слова.

Этот цветок не увял, и свет его не померк. Семья Кузнеца хранила его в тайне, как сокровище. Кузнец сам сделал потайную шкатулку, и в ней цветок сберегали на протяжении многих поколений. Те в его роду, кто наследовал ключ, порой открывали шкатулку, чтобы полюбоваться, но шкатулка, однажды открытая, затем сама захлопывалась, и никому не дано было предугадать, как долго она останется открытой.

А время в деревне не стояло на месте. Кузнецу не исполнилось еще и десяти лет, когда на празднике ему досталась Звезда. Прошло двадцать четыре года, и справили новый Пир. К тому времени Эльфи уже стал Кухмейстером и взял себе нового ученика по имени Харпер. Еще через двенадцать лет после этого Кузнец обрел Вечноживой Цветок. Потом прошло еще двенадцать лет, и наступило время очередного зимнего Праздника.

Но пока была осень. Осенним днем Кузнец медленно брел по лесам Внешних Земель. Золотилась листва на деревьях, и землю уже покрыл красный ковер. За спиной у Кузнеца слышались шаги, но он ничего не замечал – так глубоко погрузился в свои мысли.

В этот раз он явился, потому что его позвали, и путь его обещал быть долгим, как никогда раньше. В пути его оберегали и направляли, но сам путь не запомнился – слишком часто приходилось идти сквозь туман или во мраке Тени. И вот вышел он на какое-то высокое место под ночным многозвездным небом и предстал там перед лицом Королевы. Не было на ее голове короны и не восседала она на троне, а просто стояла перед Кузнецом в своем величии и славе, окруженная грозным воинством. Сверкали мечи, и горели, как звезды, наконечники копий, но Королева была выше самого высокого из воинов, и над челом ее сияло белое пламя. Она сделала Кузнецу знак приблизиться, и он подошел к ней, дрожащий и испуганный. Затем прозвучала труба, свита исчезла, и Кузнец с Королевой остались вдвоем.

Он стоял перед ней в растерянности, не решаясь преклонить колени, зная, что у такого низкородного, как он, даже этот жест вышел бы неуместным. Кузнец посмотрел Королеве в лицо, и она ответила ему пристальным взглядом, и тут Кузнец изумился, потому что узнал ее. Это с ней он танцевал в Зеленой Долине, это под ее легкой стопой расцветали лилии. Королева улыбнулась, заметив смущение Кузнеца, и подошла к нему. И вели они долгие, бессловесные речи, потому что все мысли Королевы стали открыты Кузнецу. То, что она ему поведала, было и радостным, и печальным. Затем память Кузнеца обратилась к событиям прожитой жизни и повела его назад по времени, пока не вспомнился тот праздник, на котором он обрел звезду, и не вспомнилась крошечная танцующая фигурка с волшебной палочкой в руке. Охваченный стыдом, отвел глаза Кузнец от прекрасной Королевы.

Но она только рассмеялась в ответ тем же смехом, который он слышал в Вечноутренней Долине.

– Не печалуйся, Звездноликий, – сказала она. – И не стыдись за своих односельчан. Пусть они лучше играют в куклы, чем забудут совсем о Волшебной Стране. Одним даны сны, другим дана явь. В тот день сердце твое возжелало увидеть меня, и я выполнила желание твоего сердца. Большого я дать тебе не могу. Но я сделаю тебя своим посланником. Если ты встретишь Короля, скажи ему: «Час пробил. Дай ему право выбора».

– Но, Повелительница, – сказал Кузнец. – Где же он, Король?

Этот вопрос Кузнец часто задавал обитателям Волшебной Страны, но единственным ответом было: «Он не сказал нам».

И Королева ему ответила:

– Если он не сказал тебе, позволь и мне промолчать. Скажу только, что он – великий странник, и его можно встретить в самых неожиданных местах. А теперь преклони колена.

Кузнец встал перед Королевой на одно колено, а она возложила руку ему на чело, и великое спокойствие овладело Кузнецом. Ему казалось, что он в один и тот же миг пребывает и в Волшебной Стране, и в Мире Людей, смотрит на эти миры изнутри и снаружи, испытывая при этом и горечь расставания, и радость обладания, и примирение со всем сущим. Затем этот миг прошел. Кузнец поднял голову и вскочил на ноги. Небо уже окрасилось зарей, и побледнели звезды. Королева исчезла. Далеко в горах эхом отозвалась труба. Вокруг не было ни души, и Кузнец понял, что выбрал горечь расставания.

Место, где он повстречал Королеву, осталось далеко позади, и вот Кузнец брел среди листопада, а шаги все звучали у него за спиной. Вот они стали ближе, и чей-то голос спросил:

– Не по пути ли нам, Звездноликий?

Кузнец очнулся от забытья и увидел рядом с собою странника. Это был высокий человек с легкой и быстрой поступью, одетый в темно-зеленый плащ с капюшоном, скрывавшим лицо. Кузнец был озадачен, потому что только обитатели Волшебной Страны звали его этим именем, но этот человек был вроде бы не из них, хотя Кузнец припоминал смутно, что они уже где-то встречались.

– А каков твой путь? – переспросил Кузнец странника.

– Я возвращаюсь к себе в деревню, – ответил тот. – Кажется, нам по пути.

– Видно, так, – сказал Кузнец. – Что же, пойдем вместе. Да, кстати, перед расставанием Королева дала мне поручение, но вот вскоре мы выйдем за пределы Волшебной Страны, и я не знаю, вернусь ли я в нее когда-нибудь. Может, тебе туда будет дорога?

– Конечно. В чем состоит поручение?

– Это послание, но оно – для Короля. Доведется ли тебе его встретить?

– Да. Каково же послание?

– Повелительница просила меня сказать Королю следующие слова: «Час пробил. Дай ему право выбора».

– Я все понял. Можешь не беспокоиться.

И они проследовали дальше в молчании, только листья шуршали у них под ногами. Но через несколько миль, все еще в пределах Волшебной Страны, странник остановился, посмотрел Кузнецу в лицо и откинул свой капюшон. И тогда Кузнец узнал его. Это был Эльфи, Ученик по прозвищу Ник, как про себя все еще называл его Кузнец, вспоминая тот день, когда в Ратуше Ник держал острый нож для разрезания Кекса и огоньки свечей сверкали в его зрачках. По годам он должен был состариться, ведь сколько лет был он Кухмейстером, но здесь, под сенью Волшебного Леса, выглядел юным, как тот давнишний Ник, только осанка его стала величественной. Не был он ни седым, ни изборожденным морщинами, и глаза его были лучистыми, как у юноши.

– Мне бы хотелось побеседовать с тобой, Кузнец, Кузнецов сын, прежде чем мы вернемся в твою страну, – молвил Ник.

Кузнец удивился. Ему и самому хотелось побеседовать с Эльфи, да никак не удавалось. Эльфи всегда радушно здоровался с Кузнецом и смотрел на него с приятной улыбкой, но бесед один на один явно избегал. Он и сейчас смотрел на Кузнеца с добротой во взгляде, но вдруг поднял руку и указательным пальцем коснулся Звезды. Свет в его глазах померк, и Кузнец понял, что свет этот был лишь отражением света Звезды, которая ярко сияла, но погасла от прикосновения. В изумлении он отпрянул.

– Не полагаешь ли ты, Кузнец, – сказал Эльфи, – что пора тебе с ней расстаться?

– А твое какое дело, Кухмейстер? Почему это я должен? Разве она – не моя? Она ко мне сама пришла, почему бы мне не оставить ее себе на память?

– То, что тебе было подарено, храни сколько хочешь. Но есть вещи, которые человеку не дарятся и не переходят по наследству. Они даются лишь на время. Ты, пожалуй, и не догадывался, что она может понадобиться кому-нибудь еще. Тем не менее это так. Час пробил.

Кузнец задумался. Он был человеком нежадным и всегда поминал Звезду с благодарностью за все, что она ему дала.

– Что же мне делать? – спросил он. – Должен ли я отдать ее одному из властителей Волшебной Страны? Может быть, Королю?

Он сказал это, потому что тайно искал повода посетить еще раз Волшебную Страну.

– Ты мог бы отдать ее мне, – сказал Эльфи, – но боюсь, что это будет для тебя слишком большой жертвой. Лучше пойдем-ка ко мне в кладовую и ты положишь ее обратно в тот ларец, куда положил ее твой дедушка.

– Об этом я не знал, – удивился Кузнец.

– Никто этого не знал, кроме меня. Никого больше рядом не было.

– Тогда, наверное, тебе ведомо, и как он нашел Звезду и почему он положил ее в ларец?

– Он принес ее из Волшебной Страны – об этом ты и сам мог бы догадаться. Он спрятал ее в надежде, что ты, единственный его внук, когда-нибудь найдешь ее. Он рассказал мне об этом, рассчитывая на мою помощь. Это был отец твоей матери. Не знаю, что она тебе о нем рассказывала, но вряд ли многое. Его звали Рейдер-Путешественник, потому что в молодости он много путешествовал и многое успел повидать. Потом он осел в Вуттоне и стал Кухмейстером, но ушел из деревни, когда тебе было всего два года, и на его место, за неимением лучшего, выбрали этого бедолагу Нокса. Как мы и рассчитывали, в свое время стал Кухмейстером и я. В этом году мне снова предстоит стряпать Большой Кекс. На памяти людей не было еще Кухмейстера, который делал бы это дважды. Я хочу положить твою Звезду в Большой Кекс.

– Хорошо, возьми ее, – сказал Кузнец и посмотрел Кухмейстеру в глаза, пытаясь проникнуть в его мысли. – Ты знаешь, кто ее найдет?

– Что тебе до того?

– Просто хотелось бы знать. Мне было бы легче с ней расстаться, если бы я знал. На беду, сын моей дочери еще слишком мал.

– Может быть, может быть. Поживем – увидим.

Больше они не проронили ни слова и продолжали путь в молчании до самых пределов Вол-

шебной Страны. Дойдя до Вуттона, они вошли в Ратушу. Это было на закате, и через просторные окна лился алый свет. Позолота на резной парадной двери светилась, а под потолком, в витражных окнах, маячили причудливые многоцветные фигуры. Незадолго до того Ратушу вновь выстеклили и вызолотили, хотя перед этим и поспорили немало на Общинном Сходе. Кое-кто называл позолоту «дурным новшеством», однако умные головы понимали, что это не что иное, как возврат к обычаю. Но, как только Кухмейстер сказал, что это не будет стоить общине ни гроша, поскольку он платит из своего кармана, сразу воцарилось единодушие. Кузнецу никогда раньше не приходилось видеть эту новую отделку в предзакатном свете, так что он стоял, разинув рот и позабыв, с чем пришел.

Эльфи тихо взял его за руку и провел к маленькой дверце. Открыв дверцу, он впустил Кузнеца в кладовую. Там он зажег длинную свечу, открыл шкаф и извлек из него черный ларец. Ларец недавно почистили, навели блеск и украсили серебряной филигранью.

Кухмейстер открыл крышку и показал ларец Кузнецу. Только один ящичек был пуст – все остальные были полны свежих пряностей, таких душистых, что у Кузнеца потекло из глаз. Тогда он приложил руку ко лбу, и Звезда с готовностью легла ему на ладонь. В этот же миг он почувствовал боль, такую острую, что слезы рекой хлынули по его лицу. Хотя Звезда сияла как никогда ярко, он видел вместо нее лишь размытое и далекое пятно света.

– Я ничего не вижу, – сказал Кузнец. – Положи ее в ящичек сам.

Он протянул руку, и Эльфи взял с его ладони Звезду и положил ее в ящичек. Звезда сразу погасла.

Не проронив ни слова, Кузнец повернулся и начал на ощупь искать путь наружу. На пороге он снова прозрел. Уже наступил вечер, и в небе сияла яркая луна, а под ней – звезда вечерняя. Он залюбовался было на их красоту, но чья-то рука легла ему на плечо, и Кузнец очнулся.

– Ты отдал мне Звезду по собственной воле, – сказал Эльфи. – Если ты все еще желаешь знать, кому достанется Звезда, я скажу тебе.

– Скажи.

– Она достанется тому, на кого укажешь ты.

Кузнец вздрогнул.

После некоторого молчания он молвил нерешительно:

– Не знаю, что скажешь ты про мой выбор, потому что нет у тебя особых причин любить Ноксову родню. Я знаю, что его маленький правнук Тим Нокс из Таунсенда зван на Праздник... Те Ноксы, которые из Таунсенда, они совсем другие...

– Я знаю. У мальчика мудрая мать...

– Да, это сестра моей Нелл. Но Тим мне нравится не по родству. Хотя, конечно, можно и другого выбрать.

Эльфи улыбнулся.

– И вместо тебя можно было другого выбрать. Но, скажу тебе, выбор наш совпадает.

– Зачем тогда ты просил меня выбрать?

– Такова была воля Королевы. Если бы ты назвал другого, мне бы пришлось уступить.

Кузнец пристально посмотрел на Эльфи и низко тому поклонился.

– Теперь мне ясно, сир! – сказал Кузнец. – Мы не заслужили этой чести.

– Ты вел себя достойно, – ответил Эльфи. – Ступай с миром.

Когда Кузнец добрался до своего дома на западной окраине деревни, он увидел своего сына на пороге кузницы. Сын только что ее запер, исполнив дневной урок, и теперь вглядывался в белую пыль дороги, по которой обычно возвращался из странствий отец. Заслышав шаги, он удивился, когда понял, что они звучат со стороны Вуттона, и побежал отцу навстречу. Нежно обнял он отца, радуясь его возвращению.

– Я ждал тебя со вчерашнего дня, папа! – сказал он.

Вглядевшись в лицо Кузнеца, он добавил:

– У тебя такой усталый вид! Верно, много пришлось шагать?

– Порядком, сынок. От Утренней Зари и до самого Заката.

Они вместе вошли в дом. Внутри было темно, тускло мерцал очаг. Сын зажег свечи и присел рядом с отцом. Они не говорили, потому что Кузнец был опечален душой и измучен телом. Накопец он огляделся, словно приходя в себя.

– Почему больше никого нет? – спросил он. Сын посмотрел на него с упреком:

– Неужели ты не помнишь, что сегодня исполняется два года сыночку Нэн? Мама ушла к ним, в Малый Вуттон. Они и тебя сегодня ждали.

– Да, верно. Я должен был прийти, но попал в такой переплет, что обо всем позабыл. Не обо всем, однако. Про маленького Тима—то я помню.

Он извлек из—под куртки мешочек из мягкой кожи.

– Я тут ему подарок принес. Не Бог ведь что, конечно, — безделица, как говорит старик Нокс, но ведь она все же из Волшебной Страны, Нед!

Из мешочка Кузнец достал серебряную вещицу, очень похожую на тонкий стебелек лилии с тремя хрупкими цветками—колокольчиками на верхушке. Колокольчики они и были, потому что стоило потрясти стебелек, как цветы отзывались разноголосым звоном. От тихого ясного их звука замерцало пламя свечей, а затем вспыхнуло на миг нестерпимо белым огнем.

Нед смотрел на чудо изумленными глазами.

– Дай мне посмотреть, папа! — сказал он и осторожно взял вещицу из отцовых рук.

– Какая тонкая работа... — выдохнул он, взглядевшись получше. — Да еще и пахнет—то как! И запах знакомый, только вот никак не вспомню, на что же это похоже...

– Как звук умолкнет, так и начинают пахнуть цветы. Да не держи ты ее так бережно! Это же для малыша сделано, не сломается, не бойся. И все продумано, чтобы не поцарапался, если заиграется.

Кузнец положил вещицу обратно в мешочек и убрал мешочек в карман.

– Завтра я сам схожу в Малый Вуттон, — сказал он. — Надеюсь, Нэн и Том ее, да и твоя мать тоже зла на меня не держат. А малыш Тим, тот еще дней не считает... и недель не считает, и месяцев, и годов...

– Это верно. Ты иди, папа. Я бы тоже с тобой отправился, да вот времени нет. Сегодня я не пошел не потому, что тебя ждал. Просто с работой запозднил. Много ее сейчас и с каждым днем все прибывает.

– Нет уж, Кузнецов сын! Пора и тебе отдохнуть. Хоть и величают меня уже дедом, руки мои еще не ослабели, им только работу подавай. А в две пары рук мы с любой работой управимся. Потому что странствовать мне больше не суждено. Особенно в дальних краях, если ты понимаешь, о чем это я, сынок.

– Неужто это правда, отец? То—то я смотрю, что Звезда погасла... Какая жалость! Он взял руку отца в свою.

– Горько мне, отец, но, может, это на пользу нашему дому. Ведь теперь у тебя будет время научить меня тому, чего я еще не умею. Я веду речь не только о кузнечном деле, Мастер.

Они поужинали вместе, а потом долго еще сидели за столом, потому что Кузнец рассказывал сыну про последнее путешествие в Волшебную Страну и про многое—многое другое. Только о том, кто станет новым обладателем Звезды, он не проронил ни слова.

И в конце беседы сын посмотрел на отца и сказал:

– Отец, помнишь тот день, когда ты принес Вечноживой Цветок? Я еще сказал, что тень твоя — это тень великана. Тень мне не солгала. Ведь ты танцевал с самой Королевой. И все же ты уступил Звезду по собственной воле. Надеюсь, она достанется достойному. Он должен быть тебе благодарен.

– Он не будет знать, чей это дар. Некоторые дары можно давать только так. Ну да ладно. Что было, то прошло, а мне пора назад, к молоту да клещам...

Как это ни странно, старый Нокс, хоть и посмеялся над Учеником, но сам тот случай со Звездой никак не мог выкинуть из головы, даром что столько времени прошло. Нокс сильно разжирел и стал ленивым. На покой он ушел в шестьдесят лет (а это в Вуттоне не считалось стариковским возрастом). Теперь Нокс завершал свой восьмой десяток. Хоть уже стал он толще бочки, а все был обжора и сладкоежка. Когда он не ел, то сидел в кресле у окна своего домика, а в солнечные дни кресло ставили у открытой двери. Он был, как и раньше, болтлив и всегда имел что сказать по любому поводу. Но больше всего в последнее время старик полюбил рассказывать про то, как испек Большой Кекс (он уже полностью уверовал в то, что это была его собственная работа). Кекс этот ему даже снился.

Иногда Ник приходил к Ноксу, чтобы перекинуться парой слов. Нокс по—прежнему звал его Ником, а Ник по—прежнему звал Нокса Мастером, что нравилось Ноксу, хотя, по правде говоря, был Ник для Нокса не самым приятным собеседником.

Однажды Нокс, плотно пообедав, дремал в своем кресле у открытой двери. Проснулся он от пристального взгляда Ника, который стоял рядом.

– Привет! – сказал Нокс. – Рад тебя видеть. Знаешь, я тут опять об этом Кексе думаю. Что ни говори, а это был мой лучший Кекс. Ты его, часом, не забыл?

– Конечно нет, Мастер. Я его прекрасно помню. Но почему вы так переживаете? Отменный был Кекс, все его хвалили.

– Еще бы, испек–то его я. Но я не из–за него переживаю. Безделушка та, звезда или как ее там – вот что я понять не могу. Куда она подевалась? Растаять она не могла – это ясно. Я сказал, что она растаяла, чтобы дети не перепугались. Я все думаю – может, кто ее проглотил? Опять–таки, навряд ли. Монетку еще можно проглотить, но звезду... Она хоть и маленькая, но с остренькими такими зубчиками...

– Мало ли из чего она была сделана, Мастер. Не стоит так переживать. Проглотил ее кто–нибудь, да и все тут.

– Да, но кто? Память у меня цепкая, а этот день в ней особо засел. Я даже всех детей по именам помню. Дай–ка поразмыслить... Пожалуй, ее проглотила Мельникова дочка – Молли. Она всегда была обжорой и глотала куски не прожевывая. Теперь–то толста, что твой куль с мукой!

– Вы правы, Мастер, некоторые люди совсем есть не умеют. Но в тот вечер Молли была внимательна и нашла целых две монетки.

– Неужто? Ну, тогда сын бондаря – Гарри. Сам как бочонок, а рот как у лягушки. Это, верно, был он.

– По–моему, Мастер, Гарри был славный мальчишка. А что рот большой, так только потому, что всем улыбался. К тому же я отлично помню, что, перед тем как есть, он раскрошил свой кусок на маленькие кусочки и все равно ничего не нашел.

– Тогда это дочь суконщика – Лили. Маленькая такая бледная девчонка. Она в детстве наглоталась булавок и хоть бы хны.

– Нет, Мастер. Она съела только глазурь и корку, а мякиш отдала соседу.

– Ну, раз так, то я сдаюсь. И кто же это был? Ты, видать, все глаза тогда проглядел, если только не сочиняешь.

– Ее проглотил Кузнецов сын, Мастер, и, по–моему, это пошло ему на пользу.

– Да ты меня дурачишь! – рассмеялся старый Нокс. – Слушать тебя смешно! Кузнецов сын тогда был мальчик тихий, спокойный. Теперь, я слышал, певуном стал, но это не беда, если в остальном человек порядочный. Он из тех, кто жует дважды, глотает одинажды, если ты понимаешь, что я сказать хочу.

– Отлично понимаю, Мастер. Но это был он, хотите – верьте, хотите – нет. К тому же какая сейчас разница? Может быть, вам станет легче, если я скажу, что Звезда вернулась обратно в ларец. Вот она!

Нокс только сейчас заметил, что на Нике был темно–зеленый плащ, которого он никогда не видел на нем прежде. Из–под складок этого плаща Ник извлек черный ларец и открыл его перед носом у старого повара.

– Звезда здесь, Мастер, в углу. Старый Нокс зачихал и закашлял, но в ларец заглянул.

– И верно! – сказал он. – Очень похожа.

– Это она самая, Мастер. Я сам положил ее туда несколько дней тому назад. А этой зимой я снова положу ее в Большой Кекс.

– Вот оно что... – сказал Нокс, покосившись на Ника, и так захохотал, что его жиры заходили ходуном, как студень. – Вот это дела! Двадцать четыре ребенка, двадцать четыре сюрпризика, а звездочка–то вроде как лишняя, вот ты ее и припрятал до лучших времен. Ты всегда был парень не промах; скажу даже, ловкач. И бережливый – крошки масла зря у тебя не пропадало. Ха–ха–ха! Вот оно как все было – и как это я не догадался. Ну теперь–то все яснее ясного. Можно и вздремнуть спокойненько. Он устроился поудобнее в кресле.

– Не спускай глаз со своего ученика, а то и тебя разыграют. На всякого мудреца довольно простоты!

И с этими словами он закрыл глаза.

– Прощай, Мастер! – сказал Ник, с таким грохотом захлопнув ларец у того под носом, что старый повар открыл глаза.

– Нокс! – продолжал Ник. – Мудрость твоя так безгранична, что я всего лишь дважды осме-

лился поучать тебя. Первый раз – когда я сказал тебе, что Звезда эта из Волшебной Страны, второй раз – когда я сказал, что она досталась Кузнецу. Оба раза ты только посмеялся. Теперь я ухожу, но прежде, чем уйти, я тебе скажу вот что. И вряд ли тебе это покажется смешным. Ты – старый тщеславный мошенник, Нокс, к тому же ленивый и жирный. Я всегда все делал за тебя. Ты всему выучился у меня и даже спасибо не сказал. Одному только ты научиться никак не мог – почтению к Волшебной Стране, да еще – вежливости. Ты даже попрощаться по-человечески не можешь.

– Что до вежливости, – огрызнулся Нокс, – то уж куда как невежливо срамить людей, которые тебя будут постарше да поважнее. Подавись ты своей Волшебной Страной и проваливай куда знаешь. Да забери себе мое «до свидания», если ты без этого не можешь! – (Тут Нокс притворно всплеснул руками.) – А своим друзьям-чародеям скажи, чтобы они не прятались на Кухне, а приходили сюда, а то я на них поглядеть хочу. Может, кто-нибудь из них взмахнет волшебной палочкой и сделает меня обратно худым. Тогда я, поди, и поверю в чудеса! И он снова принялся хотать.

– Не соблаговолите ли вы выслушать, что вам скажет Король Волшебной Страны? – раздалось в ответ, и, к ужасу Нокса, Ник начал расти у него на глазах. Плащ слетел с его плеч, и оказалось, что под плащом он одет, как обычно Кухмейстеры одеваются на Пир, но только белые одежды его мерцали и искрились, а чело украшал огромный бриллиант, сверкавший ярче самых ярких звезд. Молодо было его лицо, и непреклонен был его взгляд.

Он молвил:

– Старик, уж ты-то никак не старше меня. А кто из нас двоих важнее, это мы сейчас увидим. Ты часто хихикал у меня за спиной, решишься ли ты принять мой открытый вызов?

Он шагнул к Ноксу, тот задрожал и отпрянул. Он хотел было позвать на помощь, но обнаружил, что потерял от страха голос.

– Сир! – хрипло прошептал он. – Не делайте мне зла! Я старый больной человек. Лицо Короля смягчилось.

– Увы! Наконец-то ты сказал правду. Не бойся! Я не сделаю тебе зла. Но неужели ты полагаешь, что Король Волшебной Страны не выполнит на прощание твоего желания? Твое желание сбудется, прощай! Сейчас ты уснешь.

Король вновь накинул на плечи свой плащ и удалился в сторону Ратуши. Не успел Король скрыться из виду, как выпученные глаза старого повара сами собой захлопнулись, и он захрапел.

Нокс проснулся только на закате. Он протер глаза и зябко поежился, потому что была уже осень и с темнотой быстро холодало.

– Уф, ну и сон мне приснился! – вымолвил он. – Не надо есть на обед жареную свинину.

И с того дня он так стал бояться кошмаров, что ограничил себя в еде самым необходимым. Он скоро истощал, да так, что не только одежда, но и собственная кожа висела на нем мешком. Дети прозвали его старым Мешком-С-Костями. Вскоре он обнаружил, что снова может ходить по деревне, опираясь на палку. Жил он еще долго, не в последнюю очередь благодаря тому, что перестал обжорствовать. Говорят, ему недавно исполнилось сто лет. Это – единственное его несомненное достижение. Но до последних дней он рассказывал свой сон каждому, у кого хватало терпения его слушать, неизменно заканчивая рассказ следующими словами:

– Конечно, это можно назвать предупреждением, но по правде говоря – дурацкий сон и не больше того. Король Волшебной Страны – ишь чего выдумал. Да у него даже волшебной палочки не было! А когда люди едят меньше, они худеют, и это – в порядке вещей. Давайте рассуждать здраво – никаких чудес не бывает!

Настало время для Пира Двадцати Четырех. Кузнец был приглашен на Пир петь песни, а Кузнецова жена – помогать управляться с детьми. Кузнец смотрел, как мальчики и девочки плясали и пели, и удивлялся, насколько дети в деревне стали красивее и смысленнее, чем товарищи его детства. «Интересно, чем Эльфи занимался в свободное время?» – промелькнуло у Кузнеца в голове. Каждый из детей казался достойным Звезды, но глаза Кузнеца, разумеется, были прикованы к Тиму, пухленькому мальчишке – неуклюжему танцору, но прекрасному певцу. За столом он сидел, не проронив ни слова, глядя, как затачивают нож и режут Кекс. И вдруг сказал:

– Дорогой Кухмейстер, отрежьте мне совсем маленький кусочек. Я уже обедал и много

съесть не смогу.

– Ладно, Тим! – сказал Эльфи. – Я отрежу тебе особый кусочек. Ты его съешь и даже не заметишь.

Кузнец видел, что Тим ест свою порцию медленно, но с видимым удовольствием. Правда, не найдя в тарелке никакого сюрприза, он несколько огорчился. Но вскоре в глазах его засиял свет, он рассмеялся, повеселел и стал напевать вполголоса. Затем встал из-за стола и принялся танцевать с изяществом, которого за ним прежде не замечали. Остальные дети тоже радостно засмеялись и захлопали в ладоши.

«Все в порядке, – подумал Кузнец. – Значит, ты теперь – мой наследник. Ах, как хотел бы я знать, в какие дивные места заведет тебя твоя Звезда! Бедолага Нокс. Впрочем, он никогда не узнает, что за срам приключился в его семействе...»

Нокс, конечно же, не узнал, что нашел Тим. Зато он узнал, что сказал Кухмейстер, и это немало его порадовало. В конце Пира Кухмейстер попрощался с детьми и со всеми присутствующими.

– Прощайте все, – сказал он. – Через день–другой я уеду от вас. Мастер Харпер уже готов занять мое место. Он очень хороший повар и к тому же ваш земляк. А мне пора домой. Думаю, вы не будете слишком скучать по мне.

Дети очень мило попрощались с Кухмейстером и от души поблагодарили его за Кекс. Только маленький Тим взял его за руку и печально сказал:

– Как жалко!..

Что бы ни говорил Эльфи, а в нескольких домах в Вуттоне без него очень скучали. Его друзья, и перво–наперво Харпер и Кузнец, сильно горевали, когда он ушел, и в память о нем договорились всегда обновлять позолоту в Ратуше. Но большинство, как это водится, было довольно. На Эльфи они уже насмотрелись, и теперь им хотелось чего–нибудь новенького. А старый Нокс, тот просто стукнул палкой об пол и сказал напрямик:

– Наконец–то убрался на радость мне. Хитрый был и шустрый, а я таких не жалую.